

Л. Кассиль

РАССКАЗ ОБ ОТСУТСТВУЮЩЕМ

Когда в большом зале штаба фронта адъютант командующего, заглянув в список награжденных, назвал очередную фамилию, в одном из задних рядов поднялся невысокий человек. Кожа на его обострившихся скулах была желтоватой и прозрачной, что наблюдается обычно у людей, долго пролежавших в постели. Припадая на левую ногу, он шел к столу.

Командующий сделал короткий шаг навстречу ему, вручил орден, крепко пожал награжденному руку, поздравил и протянул орденскую коробку.

Награжденный, выпрямившись, бережно принял в руки орден и коробку. Он отрывисто поблагодарил, четко повернулся, как в строю, хотя ему мешала раненая нога. Секунду он стоял в нерешительности, поглядывая то на орден, лежавший у него на ладони, то на товарищей по славе, собравшихся тут. Потом снова выпрямился.

— Разрешите обратиться?

— Пожалуйста.

— Товарищ командующий... И вот вы, товарищи, — заговорил прерывающимся голосом награжденный, и все почувствовали, что человек очень взволнован. — Дозвольте сказать слово. Вот в этот момент моей жизни, когда я принял великую награду, хочу я высказать вам о том, кто должен был стоять здесь, рядом со мной, кто, может быть, больше меня ту великую награду заслужил и своей молодой жизни не пощадил ради нашей воинской победы.

Он протянул к сидящим в зале руку, на ладони которой поблескивал золотой ободок ордена, и обвел зал просительными глазами.

— Дозвольте мне, товарищи, свой долг выполнить перед тем, кого тут нет сейчас со мной.

— Говорите, — сказал командующий.

— Просим! — откликнулись в зале.

И тогда он рассказал.

— Вы, наверное, слышали, товарищи, — так начал он, — какое у нас создалось положение в районе Р. Нам тогда пришлось отойти, а наша часть прикрывала отход. И тут нас немцы отсекли от своих. Куда ни подадимся, всюду нарываемся на огонь. Бьют по нам немцы из минометов, долбят лесок, где мы укрылись, из гаубиц, а опушку прочесывают автоматами. Время истекло, по часам выходит, что наши уже закрепились на новом рубеже, сил противника мы оттянули на себя достаточно, пора бы и до дому, время на соединение оттягиваться. А пробиться, видим, ни в какую нельзя. И здесь оставаться дольше нет никакой возможности. Нащупал нас немец, зажал в лесу, почуял, что наших тут горсточка всего-навсего осталась, и берет нас своими клещами за горло. Вывод ясен — надо пробиваться окольным путем.

А где он — этот окольный путь? Куда направление выбрать? И командир наш, лейтенант Буторин Андрей Петрович, говорит:

«Без разведки предварительной тут ничего не получится. Надо порыскать да пощупать, где у них щелка имеется. Если найдем — проскочим».

Я, значит, сразу вызвался.

«Дозвольте, — говорю, — мне попробовать, товарищ лейтенант?»

Внимательно посмотрел он на меня. Тут уже не в порядке рассказа, а, так сказать, сбоку, должен объяснить, что мы с Андреем из одной деревни — кореши. Сколько раз на рыбалку ездили на Исеть! Потом оба вместе на медеплавильном работали в Ревде. Одним словом, друзья-товарищи.

Посмотрел он на меня внимательно, нахмурился.

«Хорошо, — говорит, — товарищ Задохтин, отправляйтесь. Задание вам ясно?»

Вывел меня на дорогу, оглянулся, схватил за руку.

«Ну, Коля, — говорит, — давай простимся с тобой на всякий случай. Дело, сам понимаешь, смертельное. Но раз вызвался, то отказать тебе не смею. Выручай, Коля... Мы тут больше двух часов не продержимся. Потери чересчур большие...»

«Ладно, — говорю, — Андрей, мы с тобой не в первый раз в такой оборот угодили. Через часок жди меня. Я там высмотрю, что надо. Ну, а уж если не вернусь, кланяйся там нашим, на Урале...»

И вот пополз я, хоронюсь по-за деревьями. Попробовал в одну сторону — нет, не пробиться: густым огнем немцы по тому участку кроют. Пополз в обратную сторону. Там на краю лесочка овраг был, буерак такой, довольно глубоко промытый. А на той стороне у буерака — кустарник, и за ним — дорога, поле открытое. Спустился я в овраг, решил к кустикам подобраться и сквозь них высмотреть, что в поле делается. Стал я карабкаться по глине вверх, вдруг замечаю, над самой моей головой две босые пятки торчат. Пригляделся, вижу: ступни маленькие, на подошвах грязь присохла и отваливается, как штукатурка, пальцы тоже грязные, поцарапанные, а мизинчик на левой ноге синей тряпчочкой перевязан — видно, пострадал где-то... Долго я глядел на эти пятки, на пальцы, которые беспокойно шевелились над моей головой. И вдруг, сам не знаю почему, потянуло меня щекотнуть эти пятки... Даже и объяснить вам не могу. А вот подмывает и подмывает... Взял я колючую былинку да и покорябал ею легонько одну из пяток. Разом исчезли обе ноги в кустах, и на том месте, где торчали из ветвей пятки, появилась голова. Смешная такая, глаза перепуганные, безбровые, волосы лохматые, выгоревшие, а нос весь в веснушках.

«Ты что тут?» — говорю я.

«Я, — говорит, — корову ищу. Вы не видели, дядя? Маришкой зовут. Сама белая, а на боке черное. Один рог вниз торчит, а другого вовсе нет... Только вы, дядя, не верьте... Это я все вру... пробую так. Дядя, — говорит, — вы от наших отбились?»

«А это кто такие ваши?» — спрашиваю.

«Ясно кто — Красная армия... Только наши вчера за реку ушли. А вы, дядя, зачем тут? Вас немцы зацапают».

«А ну, иди сюда, — говорю. — Расскажи, что тут в твоей местности делается».

Голова исчезла, опять появилась нога, а ко мне по глиняному склону на дно оврага, как на салазках, пятками вперед, съехал мальчонка лет тринадцати.

«Дядя, — зашептал он, — вы скорее отсюда давайте куда-нибудь. Тут немцы. У них вон у того леса четыре пушки стоят, а здесь сбоку минометы ихние установлены. Тут через дорогу никакого ходу нет».

«И откуда, — говорю, — ты все это знаешь?»

«Как, — говорит, — откуда? Даром, что ли, с утра наблюдаю?»

«Для чего же наблюдаешь?»

«Пригодится в жизни, мало ль что...»

Стал я его расспрашивать, и малец рассказал мне про всю обстановку.

Выяснил я, что овраг идет по лесу далеко и по дну его можно будет вывести наших из зоны огня.

Мальчишка вызвался проводить нас. Только мы стали выбираться из оврага в лес, как вдруг засвистело в воздухе, завыло и раздался такой треск, словно вокруг половину деревьев разом на тысячи сухих щепок раскололо.

Это немецкая мина угодила прямо в овраг и рванула землю около нас. Темно стало у меня в глазах. Потом я высвободил голову из-под насыпавшейся на меня земли, огляделся: где, думаю, мой маленький товарищ? Вижу, медленно приподымает он свою кудлатую голову от земли, начинает выковыривать пальцем глину из ушей, изо рта, из носа.

«Вот это так дало! — говорит. — Попало нам, дядя, с вами, как богатым... Ой, дядя, — говорит, — погодите! Да вы ж раненый».

Хотел я подняться, а ног не чую. И вижу — из разорванного сапога кровь плывет. А мальчишка вдруг прислушался, вскарабкался к кустам, выглянул на дорогу, скатился опять вниз и шепчет.

«Дядя, — говорит, — сюда немцы идут. Офицер впереди. Честное слово! Давайте скорее отсюда. Эх ты, как вас сильно...»

Попробовал я шевельнуться, а к ногам словно по десять пудов к каждой привязано. Не вылезти мне из оврага. Тянет меня вниз, назад...

«Эх, дядя, дядя, — говорит мой дружок и сам чуть не плачет, — ну, тогда лежите здесь, дядя, чтоб вас не слышать, не видеть. А я им сейчас глаза отведу, а потом вернусь, после...»

Побледнел он так, что веснушек еще больше стало, а глаза у самого блестят.

«Что он такое задумал?» — соображаю я. Хотел было его удерживать, схватил за пятку, да куда там! Только мелькнули над моей головой его ноги с растопыренными чумазыми пальцами — на мизинчике синяя тряпочка, как сейчас вижу... Лежу я и прислушиваюсь. Вдруг слышу:

«Стой!.. Стоять! Не ходить дальше!»

Заскрипели над моей головой тяжелые сапоги, я расслышал, как немец спросил:

«Ты что такое тут делал?»

«Я, дяденька, корову ищу, — донесся до меня голос моего дружка, — хорошая такая корова, сама белая, а на боке черное, один рог вниз торчит, а другого вовсе нет. Маришкой зовут. Вы не видели?»

«Какая такая корова? Ты, я вижу, хочешь болтать мне глупости. Иди сюда близко. Ты что такое лазал тут уж очень долго, я тебя видел, как ты лазал».

«Дяденька, я корову ищу», — стал опять плаксиво тянуть мой мальчонка. И внезапно по дороге четко застучали его легкие босые пятки.

«Стоять! Куда ты смел? Назад! Буду стрелять!» — закричал немец.

Над моей головой забухали тяжелые кованные сапоги. Потом раздался выстрел. Я понял: дружок мой нарочно бросился бежать в сторону от оврага, чтобы отвлечь немцев от меня. Я прислушался, задыхаясь. Снова ударил выстрел. И услышал я далекий, слабый вскрик. Потом стало очень тихо... Я как при-

падочный бился. Я зубами грыз землю, чтобы не закричать, я всей грудью на свои руки навалился, чтобы не дать им схватиться за оружие и не ударить по фашистам. А ведь нельзя мне было себя обнаруживать. Надо выполнить задание до конца. Погибнут без меня наши. Не выберутся.

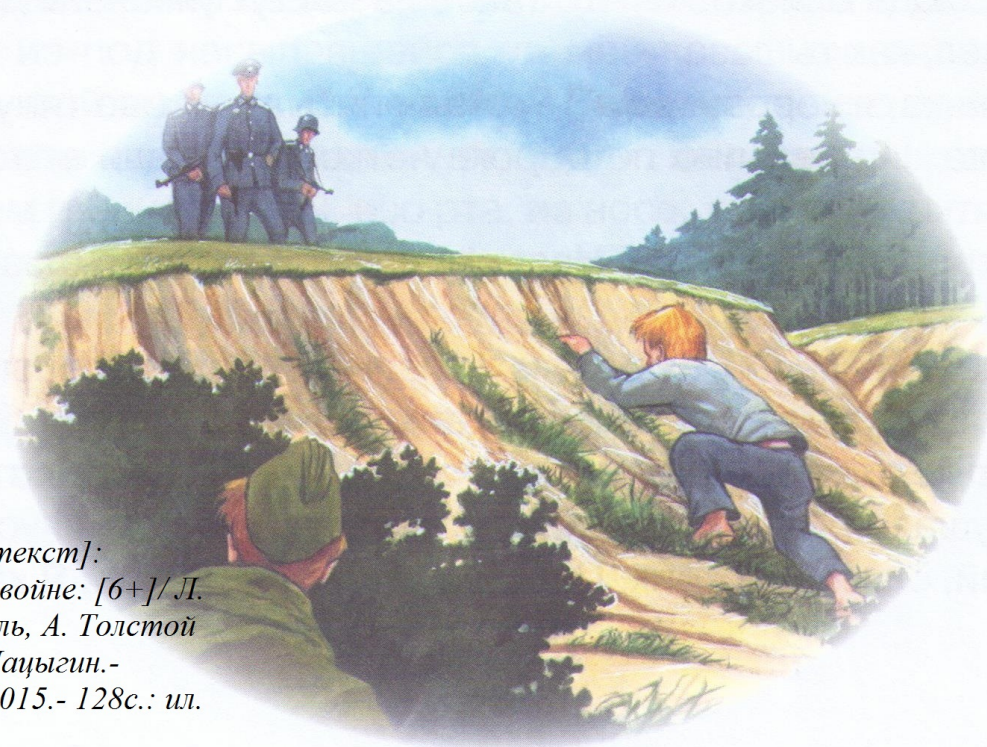
Опираясь на локти, цепляясь за ветви, пополз я... После уже ничего не помню. Помню только — когда открыл глаза, увидел над собой совсем близко лицо Андрея...

Ну вот, так мы и выбрались через тот овраг из лесу.

Он остановился, передохнул и медленно обвел глазами весь зал.

— Вот, товарищи, кому я жизнью своей обязан, кто нашу часть вызволить из беды помог. Понятно, стоять бы ему тут, у этого стола. Да вот не вышло... И есть у меня еще одна просьба к вам... Почтим, товарищи, память дружка моего безвестного — героя безымянного... Вот даже и как звать его, спросить не успел...

И в большом зале тихо поднялись летчики, танкисты, моряки, генералы, гвардейцы — люди славных боев, герои жестоких битв, поднялись, чтобы почтить память маленького, никому не ведомого героя, имени которого никто не знал. Молча стояли понурившиеся люди в зале, и каждый по-своему видел перед собой кудлатого мальчонку, веснушчатого и голопятого, с синей замурзанной тряпочкой на босой ноге...

Русский характер [текст]:
рассказы, повесть о войне: [6+]/ Л.
Пантелеев, Л. Кассиль, А. Толстой
и др.; художник Г. Мацыгин. -
Москва: РОСМЭН, 2015. - 128с.: ил.